

3. Витебская старина /Сост. и изд. А. Сапунов. – Витебск, 1883. – Т. 1.
4. Макараў М. Ад пасада да магдэбургіі: прававое становішча насельніцтва местаў Беларускага Падзвіння ў XIV – першай паловы XVII ст. – Мінск: Экаперспектыва, 2008. – 248 с.
5. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі. Ф. КМФ-18 Метрыка ВКЛ). Воп. 1.

Глушков С.Н.
КАМЕННЫЙ КРЕСТ У д. БЕЗДЕДОВИЧИ КАК ИСТОЧНИК
ПО ИСТОРИИ ПОЛОТЧИНЫ

“Археологическія розысканія въ окрестностяхъ г. Полоцка” – под таким заголовком в нескольких номерах “Витебских Губернских Ведомостей” 60-х годов XIX ст., в неофициальной их части, печатал свои заметки преподаватель Полоцкого Духовного училища, известный краевед Ксенофонт Говорский. Немало потрудившись на ниве изучения нашего края, он оставил целый ряд открытий, имеющих немалую и непреходящую ценность для дальнейшего исторического исследования Полотчины.

К сожалению, время и люди далеко не всегда бережно хранят материальные вехи своей истории. И если заинтересованный человек и теперь еще смог бы найти в окрестностях Полоцка описанную Говорским Ольгердову дорогу (XIV в.) или осмотреть уникальные, протяженностью более полукилометра, земляные укрепления Глинского замка (XVI ст.), то неудачей закончилась бы попытка увидеть старинный каменный крест с выбитым на нем текстом, что испокон стоял на Дисненском ответвлении вышеупомянутой дороги у дер. Бездедовичи, в имении местного помещика Обрампальского. В свое время и моя попытка отыскать крест не увенчалась успехом. Тогда подумалось, что, вероятнее всего, это одна из многих невозвратных потерь прошлого, духовного безладья столетия. Но прошло много лет и случилось, казалось бы, невероятное – крест отыскался!

Впервые, это известное всей Ветринской округе каменное изваяние, описал в своих дневниках 1818 года исследователь белорусских древностей Петр Кеппен. Тогда же им была предпринята попытка прочесть текст, но, разобрав самую малость, он оставил это занятие, сославшись на плохую его сохранность и недостаточную древность надписи, якобы не представляющей большого интереса. Осенью того же года крест в имении Бездедовичи осматривали архимандрит И. Шулакевич и полицмейстер Двинского судоходства Мосальский, о чем и сообщалось в его рапорте генералу Е. Ф. Канкрину, известному исследователю “Борисовых камней”. Почти через сорок лет осмотрел крест и сделал еще одну попытку прочесть надпись Говорский. Но и ему удалось разобрать немногим более Кеппена. Упоминается об этом кресте и в трудах нашей современницы, кандидата исторических наук Людмилы Дучиц. Так, уже известным науке, но неразгаданным, пролежал он более ста лет, пока по каким-то своим соображениям уже в наше время хозяин соседней крестьянской усадьбы не закопал крест в землю. Однако, казалось навсегда утерянный, пролежав несколько десятилетий под спудом, крест был откопан, благодаря живому участию местных жителей, в особенности Сергея Николаевича и Валерия Сергеевича Козловых и Аллы Васильевны Шпак, а стараниями исследовательницы Ветринского края Ольги Ситдиковой стала возможна экспедиция, приведшая в итоге к полному прочтению текста и разгадке наиболее вероятной истории древнего креста.

Опираясь на прежний опыт изучения таких предметов, учитывая форму, способ изготовления и другие особенности, крест этот уверенно можно отнести к древнейшим антропоморфным (человекоподобным) фигурам, время изготовления которых в мировой практике условно относят к эпохе бронзы, что для нашего региона соответствует второму тысячелетию до Р.Х. Однако анализ легенд и преданий собранных учеными-энтузиастами на протяжении XIX и XX столетий, рассказов местных старожилов и тематических научных источников, а так же собственных наблюдений, дает все основания отнести время изготовления таких человекоподобных фигур к верхнему палеолиту или мезолиту (среднему каменному веку), т.е. к 10-му или 9-му тысячелетию до Р.Х., что соответствует времени

появления здесь первых людей, пришедших вслед за отступившим Валдайским ледником. Закрепившись на новых землях, люди обустроивали свой быт, в котором немалое место было отведено религии. Для ее нужд использовали изготовленные, в частности, из камня крестообразные человекоподобные фигуры, которые устанавливались в определенных и важных для жизнедеятельности человека местах, где им и поклонялись. Так появились каменные изваяния при дорогах и вдоль рек. Следует отметить, что такие же каменные человекоподобные фигуры устанавливались и на древних родовых капищах (археологи иногда ошибочно относят их к городищам-убежищам), которые использовались исключительно для отправления языческих религиозных обрядов, а более всего – для собраний (*скопщицей*) сородичей, для вершения суда и решения прочих насущных проблем. Обычай проводить выездные суды на нейтральной территории, вне селений, сохранился до позднего средневековья, а решения суда, как и сами суды, долго еще называли *копными*. Памятники такого типа в довольно хорошей сохранности нередко еще можно встретить на Полотчине. Наш же крестообразный камень-человек, оберегая и направляя путников, много тысячелетий так и стоял у перекрестка двух важных дорог.

В таком языческом облике просуществовал он до прихода в нашу землю Христианства, когда, в скорости, и был освящен. Однако прежде с него были убраны, сбиты, невозстановимые теперь барельефные изображения, часто наносимые на такие предметы в языческие времена. Следы этой обработки явственно просматриваются до сих пор. В верхней его части был дополнительно выбит небольшой православный крест на круглой Голгофе. Изучив формы и способы изображений голгофы и креста и проведя возможный сравнительный анализ с исторически традиционными изображениями древних православных крестов, стало возможным отнести время его появления к X ст. от Р.Х.

В новом обличье – как христианский поклонный – старый каменный крест просуществовал еще несколько столетий, вплоть до XVII века, когда, после нанесения определенного содержания надписи, перешел (пользуясь современной научной классификацией) уже в ряд памятных. Текст сам по себе представляет немалый интерес для науки как образец средневековой монументальной эпиграфики, однако он не менее любопытен и по своему содержанию, которое гласит: “ВО ИМЯ И ОТЦА И СЫНА И СВЕТАГО ДУХА АМИНЬ СИЯ ПАМЕТЬ ПОСТАВЛЕНА ПО РАБЕ БОЖЕЙ АКСИНИИ ИЛИ ПО МУЖУ РКОУЧИ БУДНИКОВНА П[РЕ]СТАВИЛАСЯ РОКУ #АХН# (1650) А ПОСТАВИЛЬ СЫНЬ ПО МАТЦЕ РОМАН БУДНИКОВИЧ У РОКУ #АХНА# (1651)”. Из прочитанного следует, что крест был использован для нанесения надписи в память о человеке, конкретно – о матери. Такие надписи, с использованием для них древних (ничейных) крестов, особо характерны для позднего средневековья, и делались они, как правило, в память о людях, пропавших без вести в своем краю или сгинувших на чужбине. Ко всему следует еще добавить немаловажные для нас сведения, полученные из документов, найденных исследовательницей собственного родословия Г. Гайдук. В подтверждение своего происхождения из старинного – Полоцкой земли – дворянского рода Малаховских, она приводит несколько разновременных записей земского суда Полоцкого воеводства, в которых немало места занимают дела о земельных тяжбах этого рода. Среди их владений, таких как Янковщизна, Поговщизна и соседнего с ними имения Нача, в промежутке между 1661-м и 1771-м годами всегда упоминаются земли закладного им. Будникова, несомненно же на то время связанного с известными нам именами Аксиинии и Романа Будниковичей. Неясно пока где точно находилось это имение, но, вероятно, именно на стоящем в его земле древнем кресте и была сделана памятная надпись.

Каких-либо свидетельств упоминания в этих местах Будниковичей после 1651-го года пока не найдено. Скорее всего они покинули этот край, переселившись в Можайск и Витебск, где и упоминаются уже как наследники Витебского мещанина Андрея Будникова, основавшие в 1790 году кафельный завод на Взгорье. Так что не исключено, что и теперь где-то на Витебщине живут потомки тех Будниковичей, известных в наших краях не позднее как с XVI столетия.

Так мы стали очевидцами редчайшего случая, когда по прямым и косвенным свидетельствам стало возможным восстановление многотысячелетней истории одного из древнейших каменных памятников Полотчины, судьба которого, на всем протяжении его существования тесно переплелась с судьбами многих поколений людей. Но полное восстановление этой истории стало возможным только после прочтения текста, выбитого на кресте, который из-за крупнозернистой структуры гранитного камня казался почти нечитаемым. Понадобилось почти два месяца упорного совместного труда с историками и специалистами по эпиграфике Игорем Залиловым и Львом Данько, благодаря чему завершилась работа начатая в свое время П. Кеппеном и К. Говорским и приоткрылась еще одна тайна Полоцкой земли.

Дзянісава А.Р.

ДАКУМЕНТАЛЬНЫЯ КРЫНІЦЫ ПА ГІСТОРЫІ ПРАВАСЛАЎНЫХ МАНАСТЫРОЎ ТУРАВА-ПІНСКАЙ ЕПАРХІІ Ё XI–XVII стст.

Па гісторыі праваслаўнай царквы і манастыроў Турава-Пінскай епархіі захаваўся разнастайныя дакументальныя крыніцы. Да гэтага комплексу належаць *заканадаўчыя акты*, якія даюць магчымасць вызначыць правы статус праваслаўнай царквы і яе вернікаў. Сярод іх: агульназемскія прывілеі канца XIV–XVI стст.; Статуты Вялікага княства Літоўскага 1529, 1566, 1588 гг.; пастановы (канстытуцыі) соймаў Вялікага княства Літоўскага і Рэчы Паспалітай XVI–XVII стст.

Асобны від дакументальных крыніц складаюць *гістарычныя акты*, якія падзяляюцца на *публічна-правыя* і *прыватна-правыя*. Да першай катэгорыі адносяцца *царкоўныя статуты* («уставы»). Вядомы статуты князёў Уладзіміра (980–1015) і Яраслава (1019–1054), якія вызначалі прававое становішча і юрысдыкцыю праваслаўнай царквы на ўсходнеславянскіх землях.

Публічна-правыя акты ўключаюць даравальныя і пацвярдзальныя граматы вялікіх князёў літоўскіх царкве і духавенству на землі, нерухомаму маёмасць, імунітэтных правы, духоўныя пасады («хлябы духоўныя»). Прывілеі 1499, 1511 гг. зацвярджалі асноўныя правы царквы і яе ўзаемаадносіны са свецкай уладай. Сярод актаў, якія тычыліся манастыроў, можна выдзеліць наступныя: граматы аб заснаванні манастыроў, аб прызначэнні на пасады архімандрыта, ігумена ці ігуменні, аб захаванні і наданні маёмасці [3, с. 252–253; 4, с. 93–94].

Прыватна-правыя акты і граматы выдаваліся заснавальнікамі манастыроў або асобамі, якія апекавалі той ці іншы манастыр. Гэта фондушавыя дакументы, маёмасныя акты, граматы, якія зацвярджалі на пасадзе настаяцеляў і вызначалі правілы манастырскіх статутаў [13, с. 216–220, 270–275, 293–294].

Акты матэрыялы ўключаюць *дакументы царкоўных інстанцый*. У гэтую групу ўваходзяць акты царкоўных сабораў, якія рэгламентавалі рознабаковую дзейнасць Кіеўскай мітраполіі [1, 12]. Саборныя рашэнні вызначалі статус манастыроў, правілы манастырскай дысцыпліны, маёмасныя і падаткавыя пытанні.

Царкоўныя адносіны рэгуляваліся Кормчымі кнігамі. У канцы XIII ст. яны дапаўняюцца амаль 40 новымі артыкуламі, сярод якіх манаскія статуты і правілы, аскетычна-містычныя, гістарычныя і біяграфічныя творы. Найбольш распаўсюджанымі на тэрыторыі Беларусі былі спісы Сербскай і Рускай рэдакцыі Кормчых [6].

Вызначыць арганізацыю манаскага жыцця дапамагаюць манастырскія статуты (тыпіконы). Функцыі тыпіконаў выконвалі статутаваыя і духоўныя граматы, запаветы, павучанні патрыярхаў, мітрапалітаў, епіскапаў і ігуменаў. З’яўленне ўласных манастырскіх статутаў адносяць да больш позняга часу. Інвентарныя вопісы манастыроў Турава-Пінскай епархіі канца XV–XVII ст. называюць «Уставы» сярод іншых кніг [2; 5, с. 251]. Узорам манастырскага статута, які захаваўся да нашых дзён, з’яўляецца тыпікон Супрасльскага Дабравешчанскага манастыра, зацверджаны мітрапалітам Іосіфам у 1510 г. [7, с. 11–40].